18+

НИК ОХОТНИК

ХОРОШО ОТМЕЧЕННАЯ ТРОПА

Ник Охотник
Хорошо отмеченная тропа

https://litres.ru/74744268
ISBN 9785007094054

Аннотация

Первая книга из «Трилогии предисловий» Ника Охотника, автора, живущего в Южной Америке и пишущего инкогнито. Американский писатель пропадает на вулкане в Чили. История сразу ставит в тупик, когда на первых же страницах автор признается, что никто, на самом деле, на вулкане не пропадал, и, вообще, не было никакого писателя. Или кто-то в этой истории все же исчезает? Это книга в жанре антиромана (как «Книга беспокойства» Пессоа и «Бледный огонь» Набокова), где сноски так же важны, как и сам текст.

Содержание

Предисловие ко второму изданию 5
Предисловие редактора 8
I 12
Предисловие автора 13
Интерлюдия I 17
Глава I 22
Интерлюдия II 27
Глава II 31
Интерлюдия III 36
Глава III 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Хорошо отмеченная тропа

Ник Охотник

Редактор Тимур Татаринцев

© Ник Охотник, 2026

ISBN 978-5-0070-9405-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие ко второму изданию

Американский писатель Тимоти Ш. Грин и двое его друзей, Д. Муньос и М. Диас замерзли на вулкане Ласкар в июне 2017. Несмотря на то, что их тела не были найдены, эту версию подтверждает и то, что в закрытой снаружи палатке вещи лежали так, как их оставили: три развернутых матраса, три спальных мешка, и только одна из трех теплых курток.

Согласно сводкам погоды, той ночью в пустыню Атакама пришел густой туман, двое, по-видимому, покинули палатку и заблудились, а когда они не вернулись, третий вышел на поиски. Ночи в пустыне очень холодные, особенно зимой, и, к тому же ветреные, в темноте кто-то мог подойти к краю обрыва и сорваться вниз от внезапного сильного порыва, а при попытках вызволить его, остальные могли не найти дорогу к палатке.

Однако эта версия никак не объясняет найденных через десять дней в ручье возле Токонао, в тридцати пяти километрах от вулкана, ботинка, рубашки и записной книжки Тима Грина. Вместе с другими странностями, например, кто в здравом уме выйдет на такой высоте в июне из палатки без куртки, находка у ручья, конечно, породила множество конспирологических теорий.

Самая правдоподобная из них гласит, что туристы отравились оксидом серы, поскольку из кратера порой вырыва-

ются столбы вулканического пепла, и он летит в лицо вместе с ветром. Сторонники же самой запутанной и зловещей теории изучают записи в дневнике, находя подтверждения тому, что все трое ушли через портал в другой мир.

Раскладывать заметки в том же порядке, что и в оригинале, нет никакого смысла, как и восстанавливать хронологию, потому что Тим Грин открывал блокнот наугад, и следующую запись мог сделать на произвольной странице или на полях, записи завершаются на полуслове, могут повторяться на той же или вообще на разных страницах блокнота, кроме того, поверх одного текста накладывался другой.

Какие-то страницы были испорчены, какие-то вырваны и закрашены чернилами, некоторые восстановлены буквально по обрывкам слов, наконец, насколько нам известно от самого господина Н. Охотника, дневник полностью сгорел, и вы держите в руках его последнюю сохранившуюся копию, но проблема в том, что присланная в издательство рукопись господина Охотника — это единственный источник, где упоминается дневник Тима Грина.

Нам не удалось найти подтверждений, что он когда-либо существовал, ни в полиции города Сан-Педро-де-Атакама, ни у людей из окружения писателя. Разумеется, нам не известна книга «Неясная тропа», на которую ссылается господин Н. Охотник, не говоря уже о «Бумажном тумане», вокруг которого построено его исследование.

В это издание мы решили включить заметки из дневника,

приложенные к рукописи, за исключением наиболее откровенных и личных, по понятным причинам, а также небольшое интервью Тима Грина.

Что касается писем, присланных нам после публикации первого издания, с замечаниями по поводу противоречий и мистификаций, то нам представляется, что обвинять в этом автора имеет столько же смысла, сколько обвинять в нестыковках «Тысячу и одну ночь». В обоих случаях задача рассказчика лишь в том, чтобы преодолеть смерть.

Предисловие редактора

В прошлом с автором этой книги мы учились вместе на литературных курсах, но, если представить наши устремления в виде веток метро Сантьяго, то на пересадочной Бакедано я садился на пятую, поскольку жил на улице Ла-Мерсед, а он на седьмую, чтобы добраться в северный пригород. И мы бы так и разошлись, если бы случайно не встретились в далеком прибрежном городе на краю карты.

Его книги, написанные на испанском, лежат в книжных лавках повсюду от Арики до Пунта-Аренаса, но русскоязычному читателю они не известны, не потому, что в Чили среди писателей небольшая конкуренция, а потому, что чилийцы по-другому понимают магический реализм.

Грубо говоря, в западной критике магический реализм это жанр всей литературы Южной Америки (иногда с упоминанием сербских писателей, иногда — шире, где определения уже настолько размыты, что под них попадает любой) после пятидесятых годов XX века. По большей части, это проза о диктаторских режимах Южной Америки, где под «магическим» понимается индейская мифология, знахарство и общение с духами мертвых, сюрреализм и кошмарные видения. Здесь «магический» — это fiction, прием, либо экспонат этнографического музея. Но магия не фольклор, не поверья, вплетенные в бытовую жизнь, а жизнь за предела-

ми быта. Недоступное общепринятой логике. Практическая польза от способности исчезнуть посреди улицы или принести какую-то вещь из сна. Поверхностные умозаключения, вроде того, что «во всем мире плачут об одних и тех же вещах», шаман набрасывает как покрывало на свое искусство. И в этом смысле Нико по-настоящему превратился в чилийца.

Он получил грант от правительства Чили на издание книги об этой стране, и, затем, на основании этой работы, вид на жительство. Единственный известный адрес Нико, куда приходит его почта (впрочем, он и ее не забирает), это адрес издательства в Сантьяго. Там мне смогли сообщить, что Нико живет где-то недалеко от Койайке. К слову, он написал книгу не о Чили, а некой несуществующей стране в Южной Америке, озаглавив ее La Exagerada del Sur (в русском издании неточно переведено как «Выдумывая юг»), но недоумения у чилийской комиссии это не вызвало.

Эта книга — последнее, над чем нам удалось поработать.

Здесь нужно прояснить, как пишет Нико. В отличие от большинства авторов, знакомых мне, он не способен сесть и выдать сотни страниц текста. Нико работает точечно, его дыхания хватает лишь на маленькие наброски, чаще всего окончательные и не поддающиеся правке.

Возникает множество кусочков, сгруппированных по неочевидным признакам, но связанных между собой — то есть заметка из группы 1 может быть частью группы 3, про-

сто написаны они в разное время. Моя задача укрепить эти точки на каком-то основании.

Связующим веществом стал дневник Тима Грина, пропавшего на севере страны за год до нашей с Нико встречи. Отрывки из дневника он начал зачитывать мне еще до всего замысла.

Мы накрутили вокруг дневника сложный фольклор — я написал цикл рассказов, написанных как бы Тимом Грином, и даже опубликовал интервью с ним в журнале о путешествиях, Нико сочинил мистификацию под названием «Бумажный туман», якобы написанную анонимным автором по заметкам из дневника.

Я никогда не видел оригинала дневника, только фотографии его страниц, присланные во время подготовки к публикации «Хорошо отмеченной тропы». Нико сопроводил их короткой строчкой на испанском, что дневник сгорел, не объясняя, было ли это происшествие, или, скажем, он сжег его сам. Мои подозрения пробудились уже тогда.

Я отправил запрос в полицейский участок города Сан-Педро-де-Атакама, но мне ответили, что им ничего не известно об американском гражданине Тимоти Грине и его дневнике. Стало понятно, что записи «дневника» были полностью или частично написаны самим Нико.

Мне удалось даже найти реального Тимоти Грина и поговорить с ним. Он живет в Бостоне и был в Атакаме в июне 2017 года, но не знаком ни с какой Дианой Муньос, и, разу-

меется, не пропал на вулкане.

Поскольку я единственный, кто делал запрос о пропаже дневника, и у полиции остались мои контакты, где-то через год, как вышла книга, я получил письмо от управляющего полицией в Сан-Педро-де-Атакама, где сказано, что они действительно нашли дневник неподалеку от Токонао. В это сложно поверить, но он сейчас лежит на столе передо мной. И я не имею права опубликовать из него ни строчки.

Это не дневник Тима Грина, но самое удивительное то, что настоящий хозяин дневника путешествовал по тем же местам, что и выдуманный — Аргентина, Чили, Перу. К сожалению, я не узнаю, что об этом думает Нико, он не отвечает ни на какие письма.

Один из талантов, который я ценил в Нико, это, «незаметное присутствие». По его словам, ему понадобились годы, чтобы научиться прятаться от лишнего внимания. Нико может так тихо сидеть в комнате, что растворяется в любой компании, может часами ходить за спинами знакомых, оставаясь необнаруженным, его не узнают на улицах и т. д.

Нико утверждал, что для шаманов скрытность — наиважнейшее качество, так как они не могут позволить себе тратить время на театральные действия обычных людей. И первое, чему они учатся, это становиться недосягаемыми даже посреди оживленной полуденной улицы.

I

мое сердце — это бомба
с обратным отсчетом
в любой момент рванет
и осколки разлетятся в небо
барабаны умолкнут
и когда птицы перестанут кричать
из разобранной грудной клетки
выпрыгнет колибри, хлопая крыльями
совершая тысячи взмахов в секунду
моя пташка будет свободна
сможет сделать большой круг
над морем бессознательного

Предисловие автора

Если читатель держит в руках эту книгу, то он, скорее всего, уже знаком с ее первой частью под заглавием «Неясная тропа», написанной Исо Нагойа, где подробно разобрана поэтика «Бумажного тумана». Я же, по возможности, не буду говорить о поэтике и сосредоточусь на источнике «Бумажного тумана» — дневнике Тима Грина.

Сколько в «Бумажном тумане» от реального дневника? Насколько замысел, воплощенный в книге, был задуман заранее? Из каких нитей в итоге соткана эта книга? Эти вопросы я задаю как бы в никуда, вооружившись разодранным в клочья путеводителем из заметок, черновиков, мыслей. Ищущих смыслы, которые то и дело разветвляются на новые смыслы, я отсылаю к «Неясной тропе». Наша же тропа не так живописна, но хотя бы ведет туда же, куда собиралась вести в начале.

Само собой, подразумевается, что читатель уже знаком с «Бумажным туманом», желательно в пятой редакции, иначе многое будет непонятно. Первая и вторая редакция «Бумажного тумана» отличаются незначительно, внесены лишь исправления опечаток, тогда как в следующих, и, в особенности, четвертой, уже убраны и перетасованы некоторые главы, добавлены сцены и важные детали. Можно сказать, что это уже другая книга.

Судя по дневнику, книга, похожая на «Бумажный туман» появилась бы в любом случае, если бы ее автор не пропал на вулканах в пустыне Атакама. Разумеется, текстовые фрагменты можно собрать по-другому, и какие-то могли быть не использованы, но на страницах дневника мы видим знакомую нам схему: четыре главы, плюс пронизывающая их, как рыболовная леса, единая история. Какая история?

Мы точно знаем, каким должен был быть «Зеленый огонь», первая часть «Бумажного тумана». Герой (его имя нигде не озвучено) приезжает в Южную Америку, чтобы написать книгу о ведьмах. По ходу действия открываются главы этой книги, и ее герой также пишет книгу, пока повествование (буквально) не запутывается окончательно.

«Бумажный туман» это раздвоенная книга, но с одним общим корнем, как язык у колибри. Эта особенность помогла воссоздать ее вторую часть, «Сиреневый лед» (главы V — XI) из вулканического пепла. «Бумажный туман» весь состоит из отражающихся, наезжающих друг на друга сцен, а также сцен, которые напоминают что-то, но призрачно. Грубо говоря, зная то, что происходит в предыдущих главах (а иногда, что происходит и в будущем), и располагая записями, можно собрать главу «Бумажного тумана».

Здесь стоит сказать заранее, что в дневнике ко многим главам было написано не больше абзаца, даже в начале, не говоря о второй части. Все-таки мы имеем дело с набросками: не все линии meant to be завершены, не во всех линиях

есть смысл, многое зачеркнуто, стерто навсегда. Мы идем по довольно зыбкому пространству, похожему на плывущие в стороны льдины, и продумываем следующий шаг — вперед, в бок или назад. Тем не менее, даже со всеми этими прыжками, это та же тропа.

В первой части книги у глав еще есть атрибуты: цвета (сиреневый-голубой-красный-розовый), отчетливые (почти) места действия и четыре ведьмы, что пытаются заманить к себе Одиссея.

Во второй части формальный подход бледнеет: сюжет должен был соответствовать греческому мифу о лабиринте, но в «Бумажном тумане» эта структура уже плывет, порядок глав нарушается, к финальной редакции структура не имеет смысла. Если с Тесеем и Ариадной все более-менее ясно, то кто Минотавр, пантера что ли? Таким образом, «каноничными» являются только первые четыре главы (с общей главой-лесой) и главы с поездом и полустанком в горах, протянутые во вторую часть.

Но, возможно, «Бумажный туман» весьма близок к первоначальному замыслу. Скорее всего, леса так и должна была пронизывать бусины до конца, пусть к финалу она все чаще цепляется и запутывается в них. Сохраняется также и вложенность рассказчика: если в «Зеленом огне» это книга о ведьмах, то в «Сиреневом льду» это тоже книга, которую пишет Шен, пусть и в воображении кого-то третьего. Не отчаивайтесь, если сбились с толку уже здесь, в предисловии.

Кажется, так и задумывалось, чтобы мы не угадали автора всех этих переплетающихся, расходящихся и сходящихся, как тропинки в горах, историй. Мы установим указатели из камней, чтобы найти дорогу обратно.

Что касается названия, мы тоже взяли его из дневника (в самой книге эту фразу произносит охотник в интерлюдии XII):

«Мы увидели рыбака, и он кричал, чтобы мы пробирались к нему через лес, по кронам поваленных деревьев. Этот рыбак потом сказал фразу, которая мне хорошо запомнилась: *эсте камино эста бьен маркадо*, это хорошо размеченная тропа».

Интерлюдия I

1

(*заметка к главе*) «Некто (*или Никто — подмигивание Одиссею — прим. наше*) встречает Диану на автовокзале. Это не тот герой, который будет действовать дальше. Не совсем понятно, когда происходят события глав с Дианой* — до или после того, как герой встретил Пенелопу**, а также кто и когда пишет эту историю. Эпизод не магический, у него даже нет определенного цвета».

*Реальный прототип Дианы — Дайана Муньос, подруга Тима Грина (ее стихотворение вы видите в эпиграфе). Живет в Кастро, остров Чилоэ, преподавательница испанского и литературы в младших классах.

**Хронологический (но не такой, как в книге) порядок глав в первой части такой: IV, I, II, III.

2

«Диана — невысокого роста индианка с длинными волосами. Мастерит руками. Носит футболки на пару размеров больше, юбки в пол, несколько свитеров сразу, куртку по ко-

лено, шарфы, которые часто заворачивает вместо шапки*. Сильно мерзнет. Ходит с закатанными рукавами, на теле татуировки на индейских языках**. Она может подолгу не отвечать на мои вопросы. У нее теплый низкий голос».

*Как отражения Дианы, такими же слоями из одежды окутаны Шен из интерлюдии V и незнакомец из интерлюдии VI.

**Такие же татуировки у Каролины из IV главы. В «Бумажном тумане» в этой интерлюдии (и, как водится, в соседней) появляется татуированная рука в окне.

3

«Это суп из листьев, который обжигает язык, ты выдыхаешь его с силой, как пожиратель огня. Вокруг мате собираются, как возле костра»*.

*Это описание частично вошло в книгу, а факир перекочевал в интерлюдию V.

4

«Лучше назвать его не мате, а зеленый огонь для своей книги. В книгах слова обозначают не то, что они обычно обозначают. Это всегда загадка, шифр, и ты даешь ключи к

нему. Крабы вовсе не крабы».

5

«Диана, глядя на птиц, спросила, знаем ли мы, что у них крошечные сердца[I], а следом прочла нам стихотворение на испанском, но мой друг на нем не говорил».

[I]К этой записи есть комментарий, написанный красными чернилами. Здесь и далее комментарии, написанные внутри дневника, помечены римскими цифрами (в отличие от наших, помеченных звездочками):

(*красные чернила*) «Казалось бы, в моменте, где Диана говорит о колибри, она могла бы сказать, что у них раздвоенные языки, как у игуан. Но я скорее понимаю это интеллектуально, а так, по ощущениям, Диана не говорила этого. Может быть, сработало бы, если бы фраза про игуану была референсом к какому-то другому стихотворению? Я подумал, что тема колибри тоже интересная, и раздвоенный язык. Возможно, игуана — это что-то другое[II]».

[II]И еще одно пояснение, по-видимому, добавленное позднее:

(*красные чернила*) «Ты мне очень помогла с Лоркой*, теперь эта линия имеет смысл. Сейчас старая фраза про кро-

шечные сердца кажется неподходящей. Вообще, то, что говорит Диана, очень похоже на нее: никто у нее не спрашивал, но ее слова странным образом объясняют происходящее».

*В ранних редакциях у книги был эпиграф из стихотворения «Город в бессоннице» Федерико Гарсиа Лорки: «Полуночные игуаны придут и укусят тех, кто не видит снов». Он отсутствует, начиная с третьей редакции.

6

«По всему миру стали погибать бэкпекеры. Убийца — главный редактор журнала о путешествиях, такой хипстерский бородатый мужик в свитере*. Он и на гору заберется (смотрите, здесь чьи-то следы!) и в глубоком лесу кого угодно выследит».

*В «Бумажном тумане» история о редакторе (только он детектив, а не убийца) это один из неудачных сюжетов, над которым работает «гринго».

7

«Группа молодых людей в кемпинге находит в мусорке красную палатку, почти новую. Они идут в горы и ночуют в лесу. Происходят страшные вещи»*.

*Упоминается, как еще один неудачный сюжет. Частично отражен в III главе с Сабриной.

8

«Идешь из супермаркета с бумажным пакетом в руках, а на горизонте огромный вулкан, как башня колдуна. У неба четыре цвета: темные серые холмы, затем светло-розовый туман, поднимающийся гребнями, так что видны очертания деревьев, а затем розовое небо с легкими рваными перьями и голубое небо, почти сиреневое»*.

*Это описание (кроме башни колдуна) поделено в книге между I и III интерлюдиями. В «Бумажном тумане» эта связь сохраняется: и там и там есть влюбленная пара, огонек на вышке, светящиеся глаза у девушек (I) и у лис (III), дым над городом.

Глава I

1

(*заметка к главе*) «Первый рассказ из сборника „Ведьмы юга“. Магическая реальность почти не отражается, разве что в самом доме, который постепенно превращается в лабиринт — мы встретим его только во втором рассказе. Герой приезжает в Буэнос-Айрес, и решает навестить подругу, которую не видел около года. Он чувствует тревогу уже на подходе к ее дому. Одиссей у Калипсо, плюс мотивы встречи с Навсикаей*. Мирта** соответствует фиолетовому цвету».

*Только в «Бумажном тумане» все наоборот, Одиссей видит «Навсикаю» обнаженной, в начале этой главы и в конце предыдущей, как при монтажной склейке. Гомеровский сюжет, вероятно, привлек и другие образы: например, груду сухих листьев*** в конце главы и т. п.

**Мирта полностью выдумана. Девушку, у которой Тим Грин какое-то время жил в Буэнос-Айресе зовут Ромина Левиа. Ромина — героиня главы XI, там же упоминается сеньора Левиа, как хозяйка дома, где останавливается Кани.

***Сухие листья — важная деталь, отбрасывающая нас в

главу IV. Там подстилка из сухих листьев задействована в похоронах молодого индейца из видения в главе I.

2

«Ее ответ взволновал меня. От одной мысли, что я останусь на ночь в этом доме, меня бросило в жар[1]».

[I] (*серые чернила*) «Здесь я обычно подвисаю и думаю о том, что же случилось в доме в предыдущий раз. «Бросило в жар» — это воспоминания о каком-то прошлом разе, когда он оставался на ночь? Или потому что она такая сейчас? Это забавно бьется с тем, что потом снова будет этот дом, и уже был предыдущий раз. То есть в обеих сценах, и в первой тоже, и вот в этой, есть некий предыдущий раз»*.

*На более тонком уровне это отражено, например, в том, как герой и Мирта видят события в главе I. То, что герой видит как фейерверк, девушка принимает за выстрелы (и, главное, убеждена в этом). Глава I в общем является хорошей иллюстрацией несовпадения «настроек мира»: герой помнит Мирту и ее дом другими, чувствуя смутную тревогу. Он уверен, что ее не должно было оказаться в Буэнос-Айресе, что она с женихом в Колумбии. История о женихе не является ложью — это та версия дома из главы XI, где Мирта действительно уехала с женихом, а дом пустой. Версии (главы I и

XI) накладываются друг на друга, как детали с одинаковыми пазами (жалюзи на окнах, снятые с гвоздей картины, кошачья миска, но сама кошка в другой главе, сигаретный дым, голоса в пустых комнатах, где они звучали раньше, наконец, необъяснимая тревога и др.)

История о женихе не ложь, где-то он и его мотоцикл действительно существует (например, глава III и в других упоминаниях мотоциклиста), этот нарратив целиком рождается из представлений Мирты о мире, и теперь в это представление можно войти, пребывать в нем, пусть не всегда здесь и сейчас. О том же говорит Диана в предшествующей главе интерлюдии, когда замечает, что герой «тащит за собой» историю о дочери. Эту историю мы наблюдаем в разных местах книги, но в интерлюдии XII мужчина в шляпе иллюстративно ведет лошадь с сидящей на ней верхом девочкой.

3

«Сначала мы промыли чечевицу, потом бросили ее в кипящую воду, а следом за ней яйца и кусочки картофеля. Поджарили мелко нарезанные морковь, лук и чеснок, посолив и хорошенько приправив все чилийским перцем. Через пятнадцать минут вынули картофель и яйца, оставив их остужаться, и, слив воду из котелка, добавили к чечевице то, что было на сковороде.

Картофель размяли с подогретым молоком, а вареные яй-

ца и маслины порезали крупными кольцами и тоже посыпали солью. Затем смешали чечевицу и овощи с яйцами, маслинами и пригоршней изюма, смазали стенки чугунка маслом и, пока нагревалась духовка, выложили дно слоем картофеля. Положили начинку, закрыли оставшимся картофелем, натерли сверху сыр толстым слоем, и поставили чугунок в духовку.

Я не знал, что меня ждет, и прерывал поток своих мыслей об этом. Я вспоминал прошлое, но чему мне блуждания в памяти — мы готовили картофельный пирог»*.

*Сцена готовки pastel de papa, характерной еды для этой части Южной Америки, исключена из поздних версий «Бумажного тумана».

4

«Внутри меня пружиной свернулась мысль ответить ей, выплеснуть всю злость, чтобы стало легче. Я остановился на полуслове — в тот момент, когда понял, что это не мои слова. То, что я слышал, было трещоткой на хвосте этой мысли. Я поймал ее, несмотря на скользкие чешуйки, и теперь эта мысль сгорала и высыхала внутри, как прилипший жир в духовке»*.

*Любопытно, что в книгу из этого отрывка попала только

«испачканная жиром духовка», сдержанная мысль действительно осталась невысказанной.

5

«Я ощутил хруст на зубах и понял, что во рту раскрошилась старая пломба»*.

*Эта деталь в книге возникает только в главе XI, как эхо чего-то, что никогда не происходило.

6

«Я сел за работу и какое-то время не отвлекался, пока не ощутил давящую тишину в доме. Я позвал Мирту, но она не ответила».

Интерлюдия II

1

(*заметка к главе*) «Герой и Диана едут в грузовике. Герой не понимает языка, и не участвует в разговорах, просто глядя в окно. Главная особенность глав с Дианой — растягиваемость времени. На путь из Сантьяго до острова Мелинка*, который занимает несколько дней, героям, по ощущениям, понадобился год. Похоже, что глава соответствует общей канве затянутого плавания Одиссея. Цвет эпизода, как и остальных глав с Дианой — желтый».

*Здесь в дневнике ошибка. Мелинка — это не остров, а небольшое поселение на острове Асенсьон в архипелаге Гуайтекас. «Бумажный туман» наследует эту ошибку: везде в его тексте Мелинка это остров.

2

«Будки платной дороги. Мы останавливались снова и снова, и каждый раз татуированные девушки с кольцами в носу* таинственным образом не замечали меня».

*В книге девушка в будке одна, как сестрица другой, из

интерлюдии I. И снова воспоминание (или предчувствие) встречи с Каролиной. Кольцо в носу (как и татуировки) также у Шен из интерлюдии V.

Татуированная рука — мелвилловская деталь в книге. Сравните образы из глав IV и V «Бумажного тумана» (дым, лоскутное одеяло) со сценой из «Моби Дика», где главный герой, «повенченный» со своим татуированным другом после раскуривания трубки, просыпается в отеле.

3

«Во рту устойчивая горечь зеленого огня, с которым ловко управляются руки Дианы*. Трава повсюду, на сидении, на одежде, в волосах».

*В книге, наоборот, герой заваривает зеленый огонь. Такие «перевертыши» характерны для «Бумажного тумана».

4

(*сиреневые чернила*) «Водитель боится колдовства Камилы*. Это та самая эвкалиптовая роща, где был повешенный гаитянин, а девочка — призрак Камилы. Мертвая лиса дальше на это тоже намекает»**.

*Подробнее о колдовстве Камилы в главе II и главе IV (8).

**Важный образ для книги (см. интерлюдию IV (2)).

5

«Ем крекеры с ореховой пастой и пью мате*, мерзну под вой собак** в спальном мешке, жду, когда солнце погаснет за холмами. Дети подходят послушать, как играю на гитаре, отрастил бороду, глаза желтеют от загара. Пляжи с черным песком, скелеты больших кораблей, морских львов и размытые огни остались на юге».

*Зеленый огонь — это, конечно, мате, травяной чай, распространенный в Аргентине, Уругвае, Парагвае, Бразилии и южных районах Чили. Обычно его пьют из чашки, срезанной из тыквы или коровьего рога с помощью металлической соломинки.

Исо Нагойа в «Неясной тропе» отмечает, что «зеленым огнем» мате назван только в первой части «Бумажного тумана», словно отделяя тот мир, где разворачиваются события до главы V.

**Вой собак тянется через весь «Бумажный туман». Стая собак упоминается в интерлюдии II, главе II (Камила присматривала за собаками), главе III, главе IV (Каролина вместе с собаками отзывается на землетрясение), интерлюдии V

(Шен воспитывали вместе с собаками), главе V, интерлюдии VI, главе IX, интерлюдии XI, интерлюдии XII и главе XII (не вошла в книгу) — и это не считая непрямых упоминаний.

6

«Люди тащат лодки по зеленому илу. Львы подбираются к рыбному мусору. На них кричат пеликаны».

Глава II

1

(*заметка к главе*) «Второй рассказ из сборника. В Сантьяго появляется портовый район, которого в реальности нет. Повторяется мотив лабиринта, только теперь весь район — лабиринт. Вторая деталь, это собаки, они появляются сначала только в „Ведьмах Юга“. Одиссей у лотофагов, а также у Цирцеи, которая повелевает собаками*. Камила** соответствует голубому цвету».

*Гаитянские нити, связанные с собаками, смертью, колдовством, периодически мелькают в узоре книги. Концы ее видны уже в начале, в интерлюдии I, где «рабочие с лицами, мечеными сажей» (обратим внимание, что рядом пивные ящики, на которых в главе II сидят герои). В интерлюдии V это история о гаитянской брухе, воспитывающей собак. Отголоски сцены с курением трубки есть в главе VIII, главе X (образ Тьяго похож на образ гаитянского Барона), и, конечно, в главе XII, где эти нити переплетаются.

**Черты Камилы вдохновлены Камилой Монтанарес, подругой Тима Грина, за исключением того, что Камила — чилийка, а не гаитянка. Живет в Сантьяго.

2

(*заметка к главе*) «Дым и туман на улицах. Курящие гаитяне. Сцена со львами* влияет на эту главу — собаки окружают героя по мере того, как он забирается глубже»**.

*Сцена с морскими львами появляется не здесь, а в предваряющей интерлюдии.

Атмосфера главы II (пеликаны, похожие на скелеты, деревянная лакированная кабина фуникулера, люди в черных костюмах, дым, белый как саван туман, барабаны) напоминает празднование чьей-то смерти, но чьей? Герой задает этот вопрос Камиле, но остается без ответа.*

***Исо Нагойа отмечает, что интерпретация сюжета «Бумажного тумана» как путешествия призрака — классический способ прочтения этой книги (*см, рассуждения об этом у самого Тима Грина, «Вырванные страницы» в наст. издании — прим. наше*), но гораздо любопытнее, пишет она, представлять, что, наоборот, ведьмы мертвы, и это главный герой разговаривает с призраками.

Что же, это любопытная оптика, особенно в контексте глав I и XI, которые читаются бок о бок), дающая ответы на некоторые вопросы к тексту, например, позволяющая по-

другому взглянуть на реплику Мирты: «когда ты садишься за книгу, я будто умираю» в главе I.

#

#

3

«Лучшие граффити спрятаны в дальнем конце улицы Монеда, в переплетениях переулков района Юнкгай. Школы, бары, гаражи, продуктовые — каждая дверь или стена закрашены. Здесь я встретил Гарди. На смеси французского и собачьего он говорил, что ищет в Сантьяго работу. Что-то в блеске его глаз заставило меня прислушаться к тишине улицы. Мимо прошла тройка оборванцев. Они попросили закурить, но Гарди не ответил.

Я пожал его черную руку, снова достал камеру и продолжил снимать. Бродяги в капюшонах поглядывали на меня. Я прошел мимо пустой церкви с молчаливым шпилем и вдруг снова столкнулся с Гарди. И опять в его глазах читалось: дружище, сегодня уезжай из Сантьяго»*.

*Сцена почти дословно воспроизведена в «Бумажном тумане», есть лишь небольшие различия.

4

«Карнавальное шествие уже двигалось дальше, поднимая

и унося наверх свою музыку».

5

«Мы вышли на широкую улицу, ведущую к морю. В порту плыли огни. Они рябили, будто от приближающихся барабанов и труб с холма».

6

(*сиреневые чернила*) «Ты совсем не чувствуешь свое тело. Ты даже не понимаешь, возбуждение, которые ты испытываешь, мое или твое собственное. Ты думаешь, это трава? Ты вдыхаешь бумажный дым. Это горящая бумага. Ты думаешь, что стал внимательнее? Вспомни каждый раз, когда кто-то курил, с самого начала твоего путешествия. Ты просто поверил, что это тот же самый запах. И каждый раз — рисунок на песке, след воды на барной стойке, пепел на коже, ты помнишь, что было после? Все они тебе снились. Каждый. Ты вдыхал дым, и они входили в один и тот же твой сон. Вспомни, кто ты такой»*.

*Немного путаная запись сиреневыми чернилами, предположительно, написанная не Тимом Грином. В книгу попал другой ее вариант, но на основе этого кусочка появилась сцена у костра в интерлюдии XII. Та сцена зеркалит концовку

из интерлюдии IV, где Диана меняет лица в отсвете костра. Эта одна из многих вариаций этой сцены.

7

(*заметка к главе*) «Колдунья, которая гадает по углям от костра*. Угли напоминают змеиную кожу. Она дает выбрать древесину по запаху на сломе. Эвкалипт».

*В «Неясной тропе» представлена любопытная версия, что Камила изначально должна была гадать на картах таро. В качестве доказательства приводится глава XII, очевидно, связанная с этой сценой. История с повешенным гаитянцем, рассказанная в «Бумажном тумане» на самом деле об этом, ведь двенадцатая карта таро — это как раз Повешенный.

8

(*заметка к главе*) «Ведьма предлагает стереть существование мужа и дочери его бывшей девушки. Их как будто и не было никогда»*.

*В «Бумажном тумане» остались отголоски этого заклинания, например, в главе III (случай с девочкой на пляже).

Интерлюдия III

1

(*заметка к главе*) «Эпизод полумагический, если присмотреться, в городе перемешаны черты аргентинской Ушуайи и чилийского Пуэрто-Монта. Но главное — лисы, что приходят как вестники магического мира, который вот-вот настигнет героя. Одиссей и сирены, этот образ встречается в главе в виде различных звуков, и девушек, которые отвлекают героя от цели — добраться до острова к Пенелопе».

2

«Вчера утро началось с того же самого. Я также с трудом вставал из-под одеял, и растапливал печку. Солнце еще не взошло. Снимаю задвижку, разгребаю кочергой остывающие угли, подбрасываю щепки и бумагу для растопки (*см. раздел „Вырванные листы“ — прим. наше*), а следом некрупное поленко».

3

«Вероника* радостно бросилась мне на шею, и мои руки ощутили твердые мускулы девушки из юношеской хоккей-

ной команды «лас леонас»[I].

*Вероника — это Катарина Чигуай (см. глава IV (1)), имя возникает по тому же принципу плавного перетекания, как и многие образы в «Бумажном тумане»: Вероник*а-Ка*ролина. В этой главе описывается время, когда они еще только познакомились. Совпадают и несколько биографических деталей: они продавали браслеты в Ушуайе, Катарина играла в хоккей с мячом в юности и т. д. В дневнике Тима Грина Катарина упоминается то как Веро (местное сокращение от Вероники), то как Каро (Каролина). Эта замена имени в книге тоже ощущается как оттянутая встреча с Каролиной из главы IV (также ср. перетекание имен Вероник*а-Ка*мила из предыдущей главы, и те же детали: «твердые мускулы», они танцуют вместе и т.д.)

[I] *(красные чернила) «*Думаю насчет «лас леонас», с одной стороны, для меня это важный майлстоун из состояния озарения, с другой, это, возможно, избыточно. Может быть еще вариант, «лас леонас», горные львицы»**.

**«Лас Леонас» — название женской команды по хоккею из Ушуайи, Аргентина.

«Живые крабы в витрине рыбного ресторана* не делают ничего. Я сижу рядом и плету браслеты из ниток, но крабы собирают больше людей вокруг».

*Заметим здесь, что крабы и рыбный ресторан упоминались только что, в главе II. Характерный для «Бумажного тумана» монтажный прием.

5

«Парочка, которая каждый вечер целуется под окном вот уже несколько месяцев, пришла и сегодня»*.

*Тот же мотив в интерлюдии I. В главе VII у парня есть мотоцикл, что отсылает к еще одному сюжету, раскритикованному Дианой, где девушка погибает в аварии, а также к выдуманной Миртой истории о женихе в главе I. Мотоциклист также появляется в главе III как жених Сабрины, а в главе XI девушка и парень упоминаются как «яванка» и «индеец с севера».

В интерлюдии III «Бумажного тумана» парочка встречается у кафе с русалкой на вывеске, что отсылает, конечно, к кофейням «Старбакс», которые, в свою очередь, названы в честь Старбека из «Моби Дика». Упоминание кофейни в книге — это сложносплетенная линия, связывающая ее с американским романом.

6

«Огни от берега ложились на силуэт девушки в огромной куртке и с легким рюкзаком, застывшей у борта. Сырой ветер пробирал под хрипы и низы латунной глотки тромбона[I].

[I] (*красные чернила*) «Здесь прямо боль. Мне слышатся много вариантов, вроде «сырой ветер пробирал под хрипы и низы латунной глотки корнет-а-пистона, тромбона и валторны»*, где корнет — это рог, пистон — это часть патрона (то есть суть этой сцены-повтора), бон — это кость, а валторна похожа на волка. Мне это кажется избыточным, как если бы водой нанесло слишком много мусора. Также где-то здесь звучит «латунного горла».

*Эта сцена в «Бумажном тумане» как foreshadowing Шен из сцены в поезде (интерлюдия V), а также связана со сценой с китом (интерлюдия XI): «на борту лежал огромный и мокрый кит, вытащенный из моря с помощью лебедок, тросов, скоб, стропов и просмоленных штертов». Типичный случай перекрестной связи в книге (см. также интерлюдия V (2)).

Глава III

1

(*заметка к главе*) «Третий рассказ из сборника. Ла-Серена в этой главе имеет мало общего с городом на побережье Чили, и носит черты другого побережья — Атлантического. Одиссей на острове Эола с его ветрами. Сабрина* соответствует… красному цвету. Это загадка, потому что цветом главы должен был стать желтый. Это подтверждает, что соответствие с цветом — не прием, а желание самой книги».

*Сабрина Диас действительно живет в Ла-Серене, она работает гидом и приехала из Мадрида, как и сказано в книге.

2

«Мне снилось, что между рядами кресел идет индеец, в руках у него маленький череп, и он разрывает его пополам[I]. Я слышал обрывки радиоэфира, что на границе с Перу грабители напали на ночной автобус. Проснулся с головокружением и тошнотой и пытался отыскать в темноте листья коки».

[I] (*красные чернила*) «Маленький череп, это то, что я видел в том сне, но в некоторых вариациях текста здесь было „череп маленькой птицы“ или „череп птицы“. Это перекликается с „границей“ и, конечно, с темой проломленной головы в этой главе и главе с Миртой, и еще с чем-то зловещим из сцены курения (*см. заклинание колдуньи в главе II — прим. наше)*. Я пытался переосмыслить этот момент, возможно „птица“ и „девочка“ могут быть связаны, но вытащить ничего не могу. Конечно, никакой зонтик буквально никому голову не проламывал, хотя именно так мне рассказали эту историю на пляже[II]».

[II]Запись дополнена более поздней:

(*красные чернила*) «В итоге остановился на этом варианте: „в руках у него птичий череп величиной с кокос, и он разрывает его пополам“, мне его подсказала песня (как было и раньше с этой главой, я писал ее параллельно с музыкой), и потом увидел знаки в тексте, что у меня и раньше присутствовала эта тема с кокосовой скорлупой (*в удаленной из „Бумажного тумана“ XII главе, а также в главе VIII — прим. наше*). Вообще для меня тут важно, что во сне, в автобусе я увидел именно птичий череп в руках индейца, так что я возвращаю самый первый и магический вариант. Еще удивительно, что была такая птица, аргентавис или тератори, огромная, и она как раз обитала в этих краях».

3

«Большая пустынная равнина, с индейцами и сухой травой. Проснулся с сильным головокружением и тошнотой. Думал, что это от высоты той равнины и пытался отыскать в темноте листья коки. Ветер принес запах горьких трав, бизоньих лепешек, разогретых на солнце, сладкий запах степи»*.

*Последнее предложение здесь похоже на описание из главы IX.

4

«Везде флажки, на пляже все устанавливают защиту от ветра, зонтики и стеночки, и перемещают их в зависимости от направления ветра. Ветер холодный, но если распластаться по теплым камешкам, то не чувствуется. Говорят, бывают очень сильные ветра и приходят они резко. Вчера был дождь, что редкость для этих мест. Здесь невозможно играть в футбол и только смельчаки гоняют на велосипеде, ветер меняется быстро, ты можешь улететь в забор прямо на нем. Ветер бывает такой сильный, что тело будто облеплено глиной, не шевельнуться, руку не поднять».

5

«Индеец в черной рубашке*, с гитарой, сидящий в глубине парка под деревом с красными листьями. Он пел блюз на испанском о железнодорожной станции с запахом дыма и дождя и о прохожем с глазами старого пса**. Собака украла его еду».

*Очередной «оборотень»: в книге это индианка, которая включает радио. Возможно, радио как раз ловит песню из этой заметки, но, скорее всего, индианку с гитарой из соседней интерлюдии III.

**Возможно, станция, дым, и «глаза пса» это отсылка к разговору с Шакалом (интерлюдия VIII (6)).

6

(*заметка к главе*) «Повторяется тот же мотив, когда парень Сабрины отпускает ее с главным героем. С этого момента колдуньи становятся добрее, потому что меняется отношение героя к Диане*. Сабрина соответствует желтому цвету».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.